

— Я не долженъ больше видѣться съ вами?

— Нѣтъ.

— Ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ?

Она только наклонила голову, не будучи въ силахъ говорить.

— *Никогда?*

Она снова киваетъ головой.

Въ его голосъ слышится такая мучительная агонія, что языкъ отказывается служить!

— Мы должны жить всю нашу остальную жизнь другъ безъ друга?

Новое наклоненіе головы.

— И вы можете перенести это?—впрочемъ, разумѣется,— поправляется онъ съ горькимъ смиреніемъ,— почему же вамъ и не перенести этого? Вамъ это будетъ даже совсѣмъ не трудно. Ну, чтожь, я тоже постараюсь перенести это!

Онъ выпустилъ ея руки и закрылъ лицо своими. Она можетъ уйти. Онъ всегда слушался ее, послушался и теперь. Но чего же она сидитъ? Отчего не уходитъ? Тоскливые взоры ея разсѣянно блуждаютъ вдоль длинной прямой аллеи. Милая, зеленая аллея! Милая, важная башня! Милыя, щебечущія птички! прощайте! прощайте навсегда, потому что она не въ силахъ будетъ снова взглянуть на васъ!

Отъ отчаянія она безпокойно задвигалась на мѣстѣ, и, въ одну секунду, онъ опустилъ руки и глядитъ на нее съ испуганной мукой въ глазахъ.

— Вы уже уходите?

— Нѣтъ еще... не сейчасъ,—слабо отвѣчаетъ она:—я не тороплюсь. Я могу пробыть какъ и всегда, если желаете.

Если онъ желаетъ! Несмотря на всю душевную муку, онъ смѣется.

Затѣмъ наступаетъ долгое, долгое молчаніе.

Садъ безлюднѣе обыкновеннаго. Ни одна душа не нарушаетъ ихъ безусловнаго уединенія. Только важная башня отмѣчаетъ бѣгущее время.

Она первая заговариваетъ.

— Я не хочу, чтобы вы были несчастны,—чуть не плачетъ она надъ его испорченной молодой жизнью.—Я бы хотѣла, чтобы вы были счастливы.

— И я бы хотѣлъ. Укажите, какъ это сдѣлать.

— О, если бы я могла! о, если бы все было такъ, какъ...

— Какъ передъ поѣздкой въ Везенштейнъ?